

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.2
ББК 60.5

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ТЕОРИЯ СОЛИДАРНОСТИ Э. ДЮРКГЕЙМА. ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ (УНИВЕРСУМНЫЙ) ПОДХОД

Д.О. Труфанов

В статье рассматривается проблема социальной рациональности с позиций теоретико-методологических принципов постнеклассической (универсумной) социологии. Автор дает определение и характеризует структурно-динамические качества социальной рациональности. Далее с точки зрения универсумной концепции социальной рациональности рассматривается теория солидарности Э. Дюркгейма. Автор соотносит уровни социальной рациональности и типы солидарности, выделенные Э. Дюркгеймом, и обосновывает необходимость выделения «сверхорганического» типа солидарности, соответствующего постконвенциональному уровню рациональности общества.

Ключевые слова: *социальная рациональность, постнеклассический (универсумный) подход, социальная солидарность, теория солидарности Э. Дюркгейма.*

Постнеклассический (универсумный) подход к проблеме социальной рациональности позволяет не только глубже представить теорию социальной солидарности Э. Дюркгейма, но и указать на существование третьего типа – «сверхорганической» солидарности. Последнее, как мы намерены показать, также следует из рассуждений Э. Дюркгейма. В первой части статьи мы дадим определение социальной рациональности, во второй – приведем основные положения универсумной теории социальной рациональности и в тре-

тей – рассмотрим сквозь призму данной теории выводы Э. Дюркгейма относительно типов социальной солидарности.

Понятие социальной рациональности. Социальная рациональность – проблема, многократно обсужденная в социологической и философской литературе. Вместе с тем, в силу своей полиморфности, проблема социальной рациональности вызывает к жизни разные теоретические интерпретации и подходы к ее осмыслению. Определениями рационального, наиболее часто обсуждаемыми в научной литературе, являются следующие:

- рациональность – понятие, обозначающее совокупность стандартов социального-группового поведения, обслуживаю-

щих социально значимые для данного социума цели [12, с. 69];

- рациональное как логически обоснованное, осознанное, выражающее логическую связь цели и средств [1, с. 602; 10, с. 30];
- рациональное как оформленные, законосообразные содержания реальности [4, с. 5];
- рациональное как эффективное, определяемое как способность избранных действий, средств и структур обеспечить достижение цели [8, с. 298; 16];
- рациональность как способ функционирования социальных систем, выраженный в их структурной логике, способности к самореференции и саморегуляции [13, с. 3].

Иные авторы, применяя термин «социальная рациональность», не приводят его дефиниции, что порождает многосмысленность его употребления.

Приведенные определения рациональности не исчерпывают всех возможных ее интерпретаций. Вместе с тем уже приведенные выше значения существенным образом отличаются друг от друга, что приводит к невозможности их операционального использования при изучении социальных объектов сквозь призму оппозиции «рациональное – иррациональное». Так, логизация связи цели и средств деятельности не обуславливает с необходимостью высокую степень эффективности последней. Напротив, эффективность упомянутой связи не является с необходимостью предметом рефлексии и, значит, может существовать как неформальное и случайное содержание. Следование стандартам деятельности как воплощению рациональности не представляет собой с необходимостью эффективный способ достижения цели. Напротив, выход за пределы стандартов рациональности (иррациональное действие) может быть более эффективным, чем следование таковым. Наконец, законосообразность того или иного социального явления, действия и др. не есть с необходимостью предмет логизации и может быть не артикулированным в рефлексивном поле действующего субъекта. Таким образом, иррациональное может оказаться рациональным, и наоборот.

Возможно ли в различных определениях рациональности обнаружить всеобщее, инвариантное содержание, выражающее ее сущность? Постнеклассическая методология, включающая в область анализа субъект познания, позволяет положительно ответить на этот вопрос и выделить в качестве инварианта в данных определениях свойство рефлексивности (вербализованности), вне которого приведенные определения перестают существовать (определения, а не явления, которые в них зафиксированы). Тем самым рациональность предстает как явление социальное ввиду невозможности вербализованной рефлексии за пределами социальной реальности. Последнее обстоятельство позволяет утверждать отсутствие несоциальной рациональности (в положительном варианте – рациональность всегда социальна).

Социальную рациональность в этой связи следует определить как любой рефлексивный акт (и его результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью вербальных средств коммуникации. Приведенные определения рациональности, независимо от их содержания, выступают примерами проявления социальной рациональности, так как представляют собой результаты научной рефлексии индивидуального и коллективного субъектов познавательной деятельности. Наряду с этим, другие определения рациональности служат определениями видов социальной рациональности в значении рефлексивных (логизированных) содержаний, выделяемых по основанию связи между явлениями, процессами, выступающей предметом вербальной коммуникации. При этом рефлексивное не является с необходимостью логическим (соответствующим законам логики), но является логизированным в том смысле, что рефлексивный акт, построенный с помощью вербальных средств коммуникации, предполагает использование логических инструментов – понятий, суждений, умозаключений, гипотез, опосредованно отражающих действительность.

Таким образом, социальная рациональность возможна в пространстве рефлексивных структур массового и индивидуального сознания, это процесс и результат их функциониро-

вания. Социальной рациональность является постольку, поскольку вербализованная рефлексия невозможна за пределами социальной реальности. В данном смысле социальная рациональность обнаруживает черты социального факта, имеющего надындивидуальное существование и оказывающего принудительное влияние на социальные субъекты.

Универсумная теория социальной рациональности имеет в основе сформулированный В.Г. Немировским диатропический принцип минимального универсума, выражающий минимальное количество характеристик, необходимых для описания любой развивающейся системы. Согласно его выводу, «выражая наиболее общие законы развития материи, принцип минимального универсума представляет своего рода матрицу, на основе которой осуществляется процесс развития любой системы. Описанная матрица может быть “наложена” на любой социум или его элемент для определения их структуры и динамики» [5, с. 42]. Принцип минимального универсума, взятый в кратком изложении, постулирует, что любая развивающаяся система конституирована как минимум двумя полярными элементами; в процессе изменения система образует как минимум три иерархических уровня; на каждом уровне система проходит как минимум пять стадий (возникновение, становление, пиковая точка развития, увядание, исчезновение (качественная трансформация)); в процессе развития система образует как минимум семь эволюционных слоев (уровней).

Приведем основные положения универсумной теории социальной рациональности [15, с. 21–34]. При этом наряду с указанным выше теоретическим основанием будем опираться на известный со времен классического периода античной философии тезис о морфологической тождественности человека и общества, позволяющий экстраполировать свойства рациональности индивида на социальную систему [11, с. 192; 14, с. 269–306].

Двумя элементами, конституирующими социальную рациональность, выступают рациональные и иррациональные ее содержания. Эти два начала, первое из которых выражено в виде вербализованных рефлексивных и структурированных содержаний социального,

второе представляет собой некогнитивные, неструктурированные, нерелексивные ее основания, образуют сложный синтез, субстрат социального как такового. Б.С. Сивиринов справедливо отмечает, что «социология должна рассматривать иррациональное как переходящую ипостась рационального, и наоборот. Другими словами, социология должна принимать, учитывать очевидную функциональную “слитость”, неразделимость рационального и иррационального в обществе» [13, с. 10].

Три иерархических уровня, образуемых системой в процессе развития, – вещественно-энергетический, функционально-организационный и информационный. Социальная рациональность на вещественно-энергетическом уровне представлена в контексте обыденного сознания. Логизация выражена здесь в виде элементарных форм рассудочной деятельности и практического здравого смысла. Рациональность социальных практик вещественно-энергетического уровня выражает активность действующего субъекта по обеспечению собственного физического существования, в связи с чем такие практики представляют собой прикладные способы действий и отношений, направленные на достижение индивидуальных практических выгод. Действующий в обществе носитель данного уровня рациональности представляет собой тип, стремящийся максимизировать собственные выгоды при минимизации затрат (*Homo Economicus*). Обсуждаемый уровень рациональности реализуется в индивидуальном (в отличие от коллективного) поведении индивидов в обществе. Данный уровень социальной рациональности следует определить как *преконвенциональный* (считаем уместным в данном случае применение терминологии Л. Колберга, который выделил *преконвенциональный*, *конвенциональный* и *постконвенциональный* уровни морального развития человека по критерию отношения к человеческой жизни как к ценности [17, р. 31–53]).

Социальную рациональность функционально-организационного уровня следует интерпретировать как *конвенциональную* по своей природе и идеологическую по своим функциям. Рациональность данного уровня существует в виде социальных конвенций, возникающих в структуре ассоциаций индивидов. Такие конвенции представляют собой формы

артикуляции отношений с действительностью, составляющие когнитивный компонент сознания социальных общностей и групп. К ним относятся вербально выраженные групповые нормы и ценности, групповые мнения. Данный тип рациональности реализуется в групповых формах поведения или поведении индивида, мотивированном групповыми ценностями (в отличие от индивидуального поведения, обусловленного «собственными» потребностями человека). Идеологическая функция рациональности функционально-организационного уровня выражается в существовании ценностных оснований группового сознания и поведения, обуславливающих групповую сплоченность, с одной стороны, и межгрупповые различия – с другой.

Социальная рациональность информационного уровня представляет собой рациональность *постконвенциональную*. Логизации здесь подвергаются уникальные формы и способы отношения индивида к миру, выражающие процесс его самоактуализации. Существование и содержание рациональности информационного уровня обусловлены высокой степенью автономии самоактуализированного индивида от человеческих ассоциаций с их групповыми нормами и стандартами. В этой связи такая рациональность имеет во многом уникальные содержания. К данным содержаниям можно отнести, например, новую философскую систему, под новым углом зрения обсуждающую те или иные связи действительности, авторскую образовательную программу, разработанную педагогом-новатором, уникальное литературное произведение, вышедшее из-под пера выдающегося писателя, и т. д.

Социальная рациональность образует как минимум семь эволюционных уровней, отражающих процесс эволюционного развития социума. Принимая во внимание морфологическую тождественность индивида и социума, семь эволюционных уровней социальной рациональности, отражающих структуру рациональности социальной системы, могут быть эксплицированы с помощью концепции иерархии базовых потребностей А. Маслоу, которую есть основания представить как семичастную [7, с. 401].

На вещественно-энергетическом уровне рационализации подвергаются переживания

физиологических потребностей индивидов и потребности в безопасности. Социальная рациональность выражается на этом уровне в виде моделей социального поведения, позволяющих эффективно достигать состояний удовлетворенности данных потребностей. Такие модели предписывают человеку те или иные способы поведения, в результате реализации которых он с минимальными затратами получает максимальные выгоды. Упомянутые способы поведения неодинаковы в разных ассоциациях индивидов и отражают социально-групповые различия. Доминирование в обществе в качестве актуальных потребностей вещественно-энергетического уровня обуславливает преобладание в нем преконвенционального типа рациональности. Данный тип порождает распространенность в обществе локальных социальных практик, связанных с удовлетворением членами общества базовых органических потребностей.

Преобладание в социуме социальной рациональности вещественно-энергетического уровня, выражающей экономический тип социального поведения, создает опасность атомизации социума, его распада на отдельные элементы. На данную опасность как на негативную сторону социального факта разделения труда, как известно, обращал внимание О. Конт. Такая опасность, по нашему мнению, особенно актуальна именно в случае преобладания в обществе преконвенционального типа рациональности. Возможность преодоления упомянутой опасности Конт связывает с реализацией управленческой функции в обществе, обеспечивающей дисциплину поведения его участников. Результаты социологических исследований дают основание полагать, что в современном российском обществе преобладает преконвенциональный тип рациональности. Данные показывают, что уровень эволюционного развития российского социума соответствует вещественно-энергетическому уровню развития социальной системы [6, с. 178]. Солидарность в таком обществе может быть обеспечена главным образом с помощью жесткой функции управления. В этой связи закономерно усиление авторитарных тенденций в управлении российским обществом.

На функционально-организационном уровне социальной рациональности рациона-

лизации подвергаются переживания социальных потребностей индивидов. Данный тип рациональности (конвенциональная рациональность) выражен в обществе в виде социальных практик, детерминированных групповыми ценностями и нормами. Содержанием конвенциональной рациональности становятся модели социального поведения, иные социальные явления, конституирующие социальную совместность в виде ассоциаций индивидов.

На информационном уровне тип социальной рациональности следует охарактеризовать как постконвенциональный. Здесь рационализации подвергаются классы духовных потребностей индивидов – познавательные, эстетические, в самореализации, обуславливающие уникальные способы отношений их носителей с действительностью. Постконвенциональная рациональность выражена в виде социальных практик, связанных с возникновением новых социальных форм и моделей взаимодействия, представляющих собой средства удовлетворения данных потребностей. Такие социальные формы – индикаторы актуальных направлений развития социума и отдельных сфер социальной практики. Именно в контексте постконвенциональной рациональности существует инновационный потенциал, выступающий ресурсом, необходимым для решения актуальных задач развития общества, преодоления со-

временных вызовов социальной и внесоциальной природы.

Резюмируя приведенные положения, представим структурно-динамическую модель социальной рациональности, построенную на основании применения универсумного подхода (табл. 1).

Данная модель идеальна и, как любая модель, отражает реальность в весьма упрощенном виде. Тем не менее она позволяет представить структуру социальной рациональности и ее динамические качества. Структурно-динамическая (универсумная) модель социальной рациональности применима для анализа структуры и особенностей эволюционного развития как общества в целом, так и отдельных его подсистем.

Социальная рациональность и теория солидарности Э. Дюркгейма. Солидарность, согласно выводам Дюркгейма, имеет рационально-иррациональную природу, то есть включает в качестве компонентов социальное иррациональное и социальную рациональность. Иррациональный компонент представлен коллективными чувствами, которые в одном и том же социальном типе обнаруживаются во всех здоровых сознаниях [2, с. 74]. При этом такие чувства «не просто запечатлены во всех сознаниях, но сильно запечатлены. Это не поверхностные и колеблющиеся пожелания, но сильно вкоренив-

Таблица 1

Структурно-динамическая (универсумная) модель социальной рациональности

Два элемента	Три иерархических уровня	Семь эволюционных слоев
Синтез рефлексивных и нерефлексивных содержаний социального, их слитость	<i>Постконвенциональный уровень</i> Выход за границы социальных конвенций и стандартов поведения, уникальные социальные практики, творчество, инновации	Уникальные рефлексивные практики, выражающие процесс самоактуализации индивидов
		Эстетический дискурс, новые образцы эстетического отношения индивидов к миру
		Уникальные практики познания, достижения мысли, новые знания
	<i>Конвенциональный уровень</i> Социальные установления, нормы, правила, социальная солидарность, социальный порядок	Социально-организующие модели поведения, практики; социальное управление
		Социально-нормативные модели поведения, практики; групповая солидарность
	<i>Преконвенциональный уровень</i> Массовое обыденное сознание, стандарты и технологии экономического типа социального поведения	Стандарты и технологии достижения физической безопасности
Стандарты и технологии удовлетворения органических потребностей		

шиеся в нас эмоции и стремления» [2, с. 78]. Данную вкорененность Дюркгейм обнаруживает через анализ природы преступления. Преступление создается противоположностью между тем или иным действием и коллективными чувствами и происходит от этой противоположности [там же, с. 82]. Рациональный компонент солидарности выражен в виде системы права – вербально сформулированных норм и правилах, действующих в социальной системе. Французский социолог обращается прежде всего к анализу уголовного права, полагая, что оно выражает наиболее интенсивные коллективные чувства, бытующие в обществе. Уголовное право является репрессивным по своему характеру и призвано запрещать деяния, конфликтующие с коллективными чувствами (преступления). Тем самым нормы уголовного права выражают чувства, запечатленные во всех сознаниях, поэтому «всякий знает данные нормы и чувствует, что они обоснованы» [там же, с. 75].

Таким образом, солидарность в качестве онтологически первичного включает нереплексивный компонент, представленный коллективным сознанием – совокупностью верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества [там же, с. 80]. Надстроечный (рациональный) компонент – система права – представляет собой деривацию, выражающую коллективные чувства: «санкционируемые общим сознанием правила выражают наиболее существенные социальные сходства» [там же, с. 104].

Для обществ с преобладанием преконвенционального уровня социальной рациональности характерен механический тип солидарности. В работе «О разделении общественного труда» Дюркгейм неоднократно приводит выводы и примеры, подтверждающие данное обстоятельство. Для обозначения типа солидарности в таких обществах Дюркгейм также применяет понятия «отрицательная» и «вещная» солидарность. Вещная солидарность «прямо связывает вещи с личностями, а не личности между собой. <...> Вследствие этой солидарности воли не движутся к определенным целям, но только вещи упорядоченно движутся вокруг воли. Вещные права, будучи ограничены таким

образом, не вступают в конфликты; враждебные отношения упреждены, но нет активного сотрудничества, консенсуса. <...> Такая солидарность, стало быть, не делает из сближаемых ею элементов целого, способного действовать единообразно; она ни в чем не содействует единству социального тела» [2, с. 114]. При данном типе солидарности индивиды вступают в отношения тогда, когда сталкиваются их экономические («вещные») интересы. Здесь перед нами социальные субъекты, движимые «собственными» потребностями (в отличие от потребностей, направленных на групповые ценности). Переживания этих потребностей в данном случае составляют содержание коллективных чувств, обуславливая устойчивые свойства социального типа. Они, в свою очередь, на уровне дериваций приобретают вид рациональных конструкций, выраженных в виде норм, моделей поведения, технологий достижения соответствующих ценностей. Именно таких субъектов имеет в виду Р. Коллинз, описывая проблему безбилетного пассажира, являющегося примером рационального поведения индивида (рациональность последнего, таким образом, является преконвенциональной) [3, с. 414–415]. Солидарность таких субъектов, будучи, по мысли Дюркгейма, механической, основана на общих их сходствах (см. табл. 2). Упомянутые субъекты встречаются в пространстве органического объекта. Они обладают сходными инструментами его достижения, что обуславливает высокую степень конкуренции в их взаимодействиях. Закономерно, что в данных обстоятельствах субъекты оказываются атомизированными, предпочитая личный экономический интерес коллективному, личную выгоду – совместности с другими субъектами. Примером преконвенциональной рациональности таких субъектов может служить дилемма заключенных, известная в связи с применением теории игр для анализа социальных взаимодействий.

Для обсуждаемого типа солидарности, согласно выводам Дюркгейма, характерны разделяющие правила и нормы, общие для всех членов общества, преобладание уголовного (репрессивного) права, высокая плотность социальной жизни.

Типы солидарности с точки зрения универсальной концепции социальной рациональности

Уровень социальной рациональности	Тип солидарности	Тип норм	Природа норм
Постконвенциональный уровень	Сверхорганическая, основана на автономии индивидов (индивидуальных различиях)	Индивидуальные ориентации, оценки; индивид – источник правил и оценок	Индивидуальные правила, индивид – источник собственной морали; низкая интенсивность социальной жизни
Конвенциональный уровень	Органическая, основана на групповых различиях	Соединяющие правила, нормы, установления; реститутивное право	Групповые нормы и правила, групповая мораль; средняя интенсивность социальной жизни
Прекоконвенциональный уровень	Механическая, основана на общих сходствах (атомизация общества)	Разделяющие правила, нормы, установления; репрессивное право	Общие для всех членов общества нормы и правила; высокая интенсивность (плотность) социальной жизни

Для обществ с преобладанием конвенционального уровня социальной рациональности характерен органический тип солидарности. Здесь субъекты встречаются в пространстве социального объекта. Содержание коллективных чувств в данном случае составляют переживания социальных потребностей индивидов – членов общества. Субъекты обладают специфическими средствами достижения упомянутого объекта, вследствие чего нуждаются друг в друге, предпочитая совместность с другими субъектами изолированности. Последнее обстоятельство обуславливает стремление субъектов к кооперации и формирует «единство социального тела». Для обществ конвенциональной рациональности характерны соединяющие нормы и правила, преобладание реститутивного права, средняя интенсивность социальной жизни.

Солидарность, устанавливающаяся в обществах с преобладанием постконвенциональной рациональности, следует определить как сверхорганическую. В качестве содержания коллективных чувств на этом уровне выступают переживания духовных потребностей, субъекты встречаются в пространстве духовного объекта. Каждый из субъектов обладает автономией – он индивидуально предстает перед духовным объектом, отказываясь от посредничества группы. Солидарность в данном случае осуществляется как встреча автономных субъектов в пространстве духовного объекта. Последний может быть представ-

лен инновацией, над созданием которой работают ученые-единомышленники, уникальным эстетическим объектом, переживаемым творческими людьми, и т. д.

Дюркгейм обнаруживает наличие данного уровня развития социума, но не вводит термин, обозначающий тип солидарности в таком социуме. Индивидов, обладающих автономией в указанном выше смысле, он определяет как «индивидуальный тип», противопоставляя его «коллективному типу»: «оба эти вида типов не только не изменяются в прямом отношении, но, как мы увидим, исчезновение одного вида есть необходимое условие появления другого» [2, с. 132]. Тем самым, размытие коллективных типов в обществе приводит к увеличению индивидуальных типов. Дюркгейм иллюстрирует данный факт на примере профессиональных типов, получающих распространение вследствие прогресса разделения труда. Профессиональные типы, как выражение типов коллективных, теряют свою прежнюю четкость. При этом внутри профессиональных сообществ и групп увеличиваются индивидуальные различия. «У каждого (индивидуального субъекта профессиональной деятельности. – Д. Т.) все более вырабатывается свой способ мышления и деятельности, каждый меньше подвергается воздействию общественного мнения корпорации» [там же, с. 133]. Таким образом, Дюркгейм говорит об индивидах, обладающих определенной автономией от профессиональной груп-

пы и индивидуально устанавливающих отношение с профессией.

Солидарность в обществе постконвенциональной рациональности основана как на сходствах, так и на различиях между индивидуальными субъектами социального действия. Сходства выражены в виде сходных оценок, интересов и ориентаций индивидов, реализуемых в пространстве духовного объекта. Сходства делают возможным контакт между субъектами по поводу духовного объекта, создают совместное пространство в автономии каждого из них (со-предстояние перед духовным объектом). Различия связаны с индивидуальным переживанием субъектом духовного объекта. Различия вызывают содержательные взаимодействия субъектов: они открывают для субъектов переживаемый духовный объект в его новых сторонах, связях, интерпретациях. Тем самым, в процессе взаимодействия субъекты продолжают контакт с духовным объектом, удовлетворяя актуальные духовные потребности.

Таким образом, солидарность в обществах с преобладанием постконвенциональной рациональности основывается на автономии индивидуальных субъектов социального действия, которая предполагает наличие у них как сходств, так и различий. Такие субъекты действуют исходя из собственных ориентаций и оценок, являются источником собственной морали. Используя терминологию Дюркгейма, интенсивность социальной жизни в таких обществах следует определить как низкую.

Следует подчеркнуть, что обсужденные категории представляют собой идеальнотипические конструкции с вытекающими из данного обстоятельства их особенностями и функциями.

Основные выводы, согласно трехчастной структуре статьи, таковы:

1. Социальную рациональность следует понимать как любой рефлексивный акт (и его результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью вербальных средств коммуникации.

2. Постнеклассический (универсумный) подход к проблеме социальной рациональности позволяет эксплицировать структурно-динамические качества социальной рациональ-

ности, характеризующие процесс существования и развития социальной системы, и выделить преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный уровни социальной рациональности.

3. Солидарность в теории Э. Дюркгейма представлена в единстве рациональных и иррациональных компонентов и имеет три уровня, соответствующие уровням рациональности социальной системы, представленные механическим, органическим и сверхорганическим типом солидарности.

Сквозь призму данного подхода атомизация современного общества – тенденция, на которую указывают многие исследователи, – есть репрезентация преконвенциональной рациональности, выражающей распространение массового обыденного сознания. Атомизация есть появление массы индивидуализированных (отделенных от совместности) людей, управляемых элементарными технологиями достижения собственных выгод, закрепленных на уровне массового обыденного сознания. В этой связи закономерно, что, как справедливо отмечает А.С. Новиков, «атомизированные индивиды оказываются способными достигать своих целей через конкуренцию, а не через кооперацию» [9, с. 196].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–643.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. – М. : Наука, 1990. – 575 с.
3. Коллинз, Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию / Р. Коллинз // Личностно-ориентированная социология. – М. : Академический Проект, 2004. – С. 399–598.
4. Мудрагей, Н. С. Очерки истории западноевропейского иррационализма / Н. С. Мудрагей. – М. : Наука, 2002. – 112 с.
5. Немировский, В. Г. Универсумная диагностика российского общества / В. Г. Немировский. – Красноярск : КГУ, 2001. – 176 с.
6. Немировский, В. Г. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам / В. Г. Немировский, Д. Д. Невирко. – М. : УРСС, 2008. – 304 с.

7. Немов, Р. С. Психология. В 2 кн. Кн. 1. Общие основы психологии / Р. С. Немов. – М. : Просвещение, 1994. – 576 с.
8. Никифоров, А. Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности / А. Л. Никифоров // Рациональность на перепутье. В 2 кн. Кн. 1. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 295–313.
9. Новиков, А. С. Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс» / А. С. Новиков // Теория и история. – 2009. – № 2. – С. 192–197.
10. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова. – М. : Издат. дом ГУ – ВШЭ, 2008. – 511 с.
11. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон ; предисл. Е. И. Темнова. – М. : Мысль, 1998. – 798 с.
12. Ракитов, А. И. Рациональность и теоретическое познание / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 1982. – № 11. – С. 68–81.
13. Сивиринов, Б. С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы / Б. С. Сивиринов // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 3–12.
14. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер ; пер. с англ. Н. А. Рубакина. – Минск : Современ. литератор, 1999. – 1408 с.
15. Труфанов, Д. О. Социальная рациональность как методологическая проблема в социологии. Постнеклассический подход // Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности : монография / Д. О. Труфанов, Т. А. Феньвеш, П. А. Стариков. – Красноярск : С.-Петербург. ин-т внешнеэконом. связей, экономики и права, Фил., 2010. – С. 6–47.
16. Хунгаров, Р. Д. Проблема рациональности организационных структур / Р. Д. Хунгаров // Социологические исследования. – 1995. – № 7. – С. 122–131.
17. Kohlberg, L. Moral stages and moralization: the cognitive-developmental approach / L. Kohlberg // Moral development and behavior: theory, research, and social issues. – N. Y., 1976. – P. 31–53.

**THE PROBLEM OF SOCIAL RATIONALITY
AND E. DURKHEIM'S THEORY OF SOLIDARITY.
POST-NON-CLASSIC (UNIVERSUM) APPROACH**

D. O. Trufanov

This paper deals with the problem of social rationality within the theoretical-methodological framework of post-non-classic (universum) sociology. The author gives the definition to social rationality and describes its structural and dynamic characteristics. Then, E. Durkheim's theory of social solidarity is analyzed from the viewpoint of the universum conception of social rationality. The levels of social rationality and E. Durkheim's types of solidarity are correlated in order to provide rationalization for the "superorganic" type of social solidarity, corresponding to the post-conventional level of social rationality.

Key words: *social rationality, post-non-classic (universum) approach, social solidarity, E. Durkheim's theory of social solidarity.*